ПОЛИТИКА

1. ПОЛИТИКА ИННОВАЦИОННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ

Главным условием и одновременно фактором становления инновационной экономики в странах ЕврАзЭС является технологическая модернизация производства. Все страны – члены Евразийского экономического сообщества серьезно отстали от развитых стран по уровню техники и технологии. Нынешнее состояние технико-технологических основ экономики во многих их производствах, действительно, можно охарактеризовать как «технологическое захолустье». В целях такой модернизации необходимо использовать не только внутренние резервы национальной экономики, но и нереализованные возможности международной производственной и научно-технической кооперации в рамках интеграционных программ и вне этих рамок.

Столь же важны политические решения на государственном уровне и решения корпоративные, непосредственно направленные на повышение конкурентоспособности производства в целом и отдельных видов продукции. К ним относятся решения по совершенствованию управления отраслевой экономикой и ее организации, меры, в том числе законодательные, по совершенствованию систем технического регулирования производства и использованию международных соглашений о стандартизации и сертификации продукции и услуг, корпоративные инициативы и решения по внедрению инноваций и повышению качества продукции.

Одним из самых значимых факторов в создании инновационной экономики является также программированное развитие в ЕврАзЭС и ШОС совместной инновационной деятельности.

Р.С. Гринберг,
доктор экономических наук,
член-корреспондент
Российской академии наук,
директор Института экономики РАН

РИСКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Я вижу три очевидные проблемы российской экономики. Первая – примитивная структура, отражающая доминирование сырьевых отраслей, вторая – неравномерное распределение доходов между социальными группами и слоями общества, третья – изношенность инфраструктуры, которая может рано или поздно не только остановить поступательный рост экономики, но и отбросить нас еще не на один десяток лет назад. Нельзя сказать, что власть эти слабости не осознает. Но для меня очевидно, что их решение на практике блокируется, мягко говоря, контрпродуктивной экономической политикой.

* По материалам интервью – «Единая Россия», 15 января 2007 года.

В стране сложились две мировоззренческие школы, отражающие разные взгляды на пути движения России к постиндустриальному обществу. На этот счет даже есть шутка о том, что Россия сейчас дрейфует к постиндустриальному обществу, уверенно избавляясь от остатков своей индустрии, особенно в обрабатывающих отраслях. Те, кто сегодня в правительстве определяют экономическую политику, принадлежат к школе так называемого идеологического либерализма и считают, что «невидимая рука рынка» рано или поздно, безо всякого участия государства выведет страну на нужное направление развития. Идеологи либерализма полагают, что чем меньше государство тратит денег, тем лучше для экономики, а следовательно, и для населения.

Эта школа сформировалась в странах Запада в конце 70-х годов прошлого века как реакция на «пересоциализацию» их экономик в результате активного государственного вмешательства. (После 50-х годов XX в. в большинстве этих стран государство очень активно вмешивалось во многие процессы в экономике.) Однако в результате энергетического кризиса 1973 года началось ощутимое замедление темпов экономического роста и «социальный пирог» перестал увеличиваться. Начались разговоры о том, что надо меньше тратить средств на социальную политику. «Врастание» капитализма в социализм стало считаться уже злом. Такие политики, как Маргарет Тэтчер, Гельмут Коль и Рональд Рейган, победили под лозунгами «Больше капитализма!» и «Да здравствует право на неравенство!». Началась и мощная «демонизация» государства.

Ставшая модной идея бегства от патернализма прочно вошла в умы и наших отечественных реформаторов в конце 80-х – начале 90-х годов. И на протяжении последних 15 лет ее неустанно проповедуют в качестве основы экономической политики государства. В этом я вижу главную проблему экономики и общества в России.

Наше фактическое поражение в экономическом соревновании с западными странами скрывают высокие цены на нефть. И «свои», и «чужие» инвестиции, к тому же идут главным образом в топливно-энергетический комплекс.

Между тем решающим фактором социально-экономического развития становится знание. Основой экономики становится человеческий капитал, вклад которого в хозяйственную динамику развитых стран мира оценивается показателем от 50 до 70%. В России же имеет место и нарастает отставание именно в области инноваций. Мы вывозим высокотехнологичной продукции в 60 раз меньше США, в 16 раз меньше Китая и в 2 раза меньше Венгрии. Чтобы такое отставание преодолеть, нужно сильное государство, сильная демократия. Это, по существу, банальность, но дороже всего, как уверял Ницше, приходится платить именно за пренебрежение банальностями. Мы вскоре можем стать страной, с которой мало кто в мире будет считаться. В конце концов придется отвечать и на вопрос: нужны ли нам вообще наука и образование, если мы в состоянии становиться материально благополучными на нефтяные деньги. Пока же мы рассчитываем прежде всего на нефтяные сверхдоходы и готовим высококвалифицированные кадры для западных партнеров, которые фактически призывают нас избавить государство от поддержки таких трудноокупаемых сфер деятельности, как наука, образование, культура, здравоохранение. (Хотя сами создают мощные государственные институты для такой поддержки и не жалеют никаких денег на поиск умных и талантливых людей, соблазном материального достатка и созданием необходимых условий для работы, собирая у себя у себя интеллектуальные «сливки» со всего мира.)

У нас же «ломают голову» над тем, что будем делать, если цены на нефть и газ упадут. Если упадут значительно, для сохранения «девственности» Стабфонда придется придумывать какие-то новые аргументы. Вместе с тем, все уже давно прекрасно по-

нимают, что идея фонда будущих поколений больше актуальна для таких стран, как Норвегия, например, в которой все мосты и дороги построены, все сыты, одеты и обуты. В России совсем другая ситуация. Складываем в кубышку шальные нефтедоллары и ждем очередного «черного вторника», не понимая, что он уже давным-давно наступил, так как примитивизация российского хозяйства – это факт и она может стать необратимой даже при высоких ценах на нефть. Значительная часть обрабатывающей промышленности вообще может утратить перспективы развития, а страна все ускореннее будет сползать в мировое интеллектуальное и технологическое «захолустье».

Говорят, что диверсификация экономики будет обеспечена, если снизить уровень инфляции на 2 – 3%. Верится в подобные пророчества с трудом. Если государство не создаст дополнительных стимулов, рассчитывать на это, по меньшей мере, наивно. В Минфине РФ рассчитывают, что по итогам года рост потребительских цен не превысит 10%. Скорее всего, так и будет. Но если учесть уровень цен на все основные товары массового спроса, тарифы в ЖКХ, расходы на транспорт, то выйдет никак не менее 20%.

Монетарная составляющая инфляции сейчас не превышает 25 процентов, что и подтвердил недавно глава Банка России Сергей Игнатьев, признавший, что все усилия ЦБ по стерилизации избыточной денежной массы сводятся на-нет ростом цен на топливо и продукты питания. Инфляция изначально запрограммирована узким товарным предложением. Бороться с ней можно, лишь жестко пресекая попытки картельного сговора на монопольных рынках. Эта задача «со многими неизвестными», которая требует решений и Федеральной антимонопольной службы.

В принципе во всем мире производителям «нравится договариваться». Но когда много товаров и много продавцов, сделать это очень сложно. Поэтому надо стимулировать развитие производства. Даже при сопоставимых с западноевропейскими странами и США показателях инфляции диверсификация экономики сама собой не произойдет. Государство должно при помощи внятной промышленной политики побудить инвесторов идти не в сырьевые отрасли, где уровень рентабельности (даже при всех изъятиях) очень высок, а в обрабатывающие производства. Но пока мы имеем сюрреалистическую картину. Сверхдоходы от нефти аккумулируем в Стабфонде, а затем за мизерные, но гарантированные проценты инвестируем их в развитие финансовой системы и производства на Западе.

Повышение курса рубля в принципе снижает инфляцию. При этом импортные товары дешевеют. Но это неплохо, если есть массовое собственное производство. Мы этим «небогаты». Соответственно в укреплении рубля на нынешнем этапе полезного для экономики немного.

Нужно продолжать скупать «нефтедоллары» у российских экспортеров, увеличивать золотовалютные резервы. Рост рублевой массы в результате вынужденной эмиссии — не главная причина инфляции. Бороться нужно с монополиями, увеличивать предложение товаров на рынке. Пока же увеличение спроса вызывает у нас и мгновенный рост цен. На Западе на увеличение спроса предложение отвечает массой товаров и баланс восстанавливается.

Граждане России в большинстве своем не имеют понятия, что будет с российской экономикой в ближайшем будущем, какую очередную новацию предложат наши реформаторы. Мы хотим жить на норме прибыли, а не на ее массе, не увеличивать производство и предложение товаров, а иметь гарантированный «кусок хлеба», не прилагая к этому особых усилий. Такой у нас пока «экономический менталитет».

Размеры и структура государственных расходов в России абсолютно не соответствуют задачам модернизации. В западных странах, где эта проблема так остро, как у нас, не стоит, тем не менее доля расходов госбюджета на модернизацию доходит до 50% ВВП. В России она не превышает 30%.

Как в таких условиях развивать «человеческий капитал» – главный фактор социально-экономического прогресса в XXI веке? Ужесточив бюджетную политику в этой части, мы только усилим социальное расслоение общества. У богатых все последние годы доходы росли в 5—10 раз быстрее, чем у всех остальных граждан. В странах Западной Европы разница в доходах 10 процентов самых богатых и 10 процентов самых бедных колеблется в интервале от 4 до 7 раз. У нас разница пятнадцатикратная. В то же время, по оценкам экспертов, принцип социальной справедливости считается нарушенным при восьмикратном превышении показателей, и при десятикратном свидетельствует о возможности социального взрыва. Уровень жизни половины населения России либо за официальной чертой бедности, либо близок к ней. Можно ли считать такую ситуацию нормальной?

Говорят о социальной ответственность бизнеса. Но это не просто помощь школам, детским садам и футбольным клубам. Нужно исправно платить налоги. Один знакомый предприниматель как-то заметил, что социальная ответственность бизнеса – это обворовывание акционеров.

Заговорили о социальной ответственности бизнеса не от хорошей жизни. Была бы ответственность государства перед гражданами за их социальный статус – не пришлось бы обращаться за поддержкой.

В экономической же политике нужны жесткие приоритеты, такое же финансирование и контроль. Занятие неблагодарное, но необходимое. Вот создали, наконец, Объединенную авиастроительную корпорацию. Но только тогда, когда за дело взялся сам президент. Между тем авиационная и автомобильная промышленность – локомотивы любой экономики, влияющие на развитие всех остальных производств. Развал этих отраслей как раз и является результатом заблуждений реформаторов 90-х относительно «невидимой руки рынка». Вот этот рынок за нас все и решил – мы остались без самолетов, автомобилей, а заодно и без инфраструктуры экономики, адекватной современным нормам и стандартам. На Западе возрастающее влияние государства на экономику фактически размыло и устои классового общества благодаря реализации идеи «общества двух третей», в котором две трети населения составляет средний класс, а треть – бедные и богатые. У нас же все наоборот: две трети живут ниже среднего достатка, а в распоряжении 20% находится большая часть национального богатства.

Необходима альтернативная школа мышления – школа прагматического либерализма, к сторонникам которой отношу и себя. Государство должно играть активную перераспределительную роль в социальной сфере, во-первых, и разными способами направлять экономическое развитие страны, во-вторых. Даже при нулевой инфляции и идеальном инвестиционном климате диверсификация и модернизация производства сами собой не состоятся. Для этого, как говорит теория и показывает мировой опыт, в том числе практика самых «либеральных» государств, нужны скоординированные действия государства в кредитно-денежной, финансовой, инвестиционной, внешнеэкономической и социальной сферах. А осознанного плана таких действий у правительства России пока нет.